
ТЕОРИЯ

ПОСТКОЛОНИАЛЬНОСТЬ КАК ЛЕЙТМОТИВ И ЛАНДШАФТ ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО ТРАНЗИТА*

Некlessа А. И.**

Статья посвящена методологическим и прогностическим аспектам актуального цивилизационного транзита. В новейшей истории бывший колониальный мир и его обитатели также совершают комплексный переход: (а) от традиционного общества к современному социальному строю; (б) освоение результатов деколонизации и суверенизации; (в) диверсификацию форм присутствия в глобальном сообществе. Анализируется значение постколониальности как междисциплинарного направления исследований, одного из «больших вызовов» современности и в русле дискуссий о цивилизационном транзите – важного идейного ориентира социальных движений. Постколониальная проблематика опознается во все более широком круге явлений, становится существенным элементом той силы, которая воздействует на формулу и результат исторического переворота не только в региональном ракурсе былого «третьего мира», но и в глобальном измерении. В антропологическом космосе в процессе изменения его демографической размерности и этнорасового баланса складывается многочисленное, активное, «не имеющее отечества» номадическое сообщество, не укладывающееся в прокрустово ложе географической локализации и национальной государственности, продвигающееся к синтезу с постсовременностью, укрепляющее солидарные позиции деколонизирующей современности интегрального космополитизма.

Ключевые слова: цивилизационный транзит, постколониальность, эпистемологический переворот, инициативный класс, активизм, афрополитанизм, постсовременность.

* Статья подготовлена на основе доклада «Постколониальность в современном мире: региональный и глобальный аспекты» на Международной конференции «Место Африки в мире в прошлом и настоящем», Танзания, Дар-эс-Салам, 1–3 марта 2024 г.

Для цитирования: Неклесса А. И. Постколониальность как лейтмотив и ландшафт цивилизационного транзита // Век глобализации. 2024. № 3. С. 3–11. DOI: 10.30884/vglob/2024.03.01.

For citation: Neklessa A. I. Postcoloniality as a Leitmotif and Landscape of Civilizational Transition // Vek globalizatsii = Age of Globalization. 2024. No. 3. Pp. 3–11. DOI: 10.30884/vglob/2024.03.01 (in Russian).

** Неклесса Александр Иванович – руководитель группы «Север – Юг» Центра цивилизационных и региональных исследований Института Африки РАН, председатель Комиссии по социальным и культурным проблемам глобализации, член бюро Научного совета «История мировой культуры» при Президиуме РАН. E-mail: neklessa@intelros.ru.

Alexander I. Neklessa – Head of the “North-South” Group at the Center for Civilizational and Regional Studies, Institute for African Studies; Chairman of the Commission on Socio-Cultural Issues of Globalization; Academic Council “History of the World Culture” at the Presidium of the Russian Academy of Sciences. E-mail: neklessa@intelros.ru.

Век глобализации 3/2024 3–11

DOI: 10.30884/vglob/2024.03.01

POSTCOLONIALITY AS A LEITMOTIF AND LANDSCAPE OF CIVILIZATIONAL TRANSITION

The article is devoted to the methodological and prognostic aspects of the current civilizational transition. In recent history, the former colonial world and its inhabitants have made and are making a complex transition: (a) from a traditional society to a modern social order; (b) harnessing the results of decolonization and sovereignization; (c) diversifying forms of co-presence in the cross-border global community. The code of transition from the traditional way of life to the modern system includes turning points of political and socio-cultural transformation. The author analyzes the significance of postcolonialism as an interdisciplinary field of research, one of the “great challenges” of our time and an important ideological landmark of social movements. Today, postcolonial issues are being identified in an increasingly wide range of phenomena and are becoming an influential subject, an essential element of the force that influences the formula and the outcome of historical upheavals not only from the regional perspective of the former Third World, but also in the global perspective. In the anthropological cosmos, in the process of changing its demographic dimension and ethno-racial balance, a numerous nomadic community is taking shape, which does not fit into the Procrustean bed of geographical localization and national statehood, moving towards synthesis with Postmodernity, strengthening the solidarity of integral cosmopolitanism, which decolonizes Modernity.

Keywords: *transit of civilization, postcoloniality, epistemological crises, activism, initiative class, afropolitanism, postmodernity.*

У Клее есть картина под названием «Angelas Novus». На ней изображен ангел, выглядящий так, словно он готовится расстаться с чем-то, на что пристально смотрит. Глаза его широко раскрыты, рот округлен, а крылья расправлены. Так должен выглядеть ангел истории. Его лик обращен к прошлому. Там, где для нас – цепочка предстоящих событий, там он видит сплошную катастрофу, непрерывно громящую руины над руинами и сваливающую все это к его ногам. Он бы и остался, чтобы поднять мертвых и слепить обломки. Но шквальный ветер, несущийся из рая, наполняет его крылья с такой силой, что он уже не может их сложить. Ветер неудержимо несет его в будущее, к которому он обращен спиной, в то время как гора обломков перед ним поднимается к небу. То, что мы называем прогрессом, и есть этот шквал. <...> Однако поэтому будущее не было для иудеев гомогенным и пустым временем. Потому что в нем каждая секунда была маленькой калиткой, в которую мог войти Мессия.

В. Беньямин [2000: 84]

Введение

Раздвигая границы истории, мы приближаемся к социальному и когнитивному перевороту. Мир представляется все более хаотичным, однако это не стохастический, а динамический хаос, неспособность воспринять его потоковую связность отражает скорее изъяны человеческого сознания. Упорядочивая зыбкий

горизонт, мы преобразуем этот хаос в космос, но растет также соприкосновение с неизвестностью и богатство коварных интерпретаций, проявляясь трещинами в корпuse, казалось бы, устоявшегося и познанного.

Версии инакости состязаются за воплощение, атакуя, отрицая, преодолевая прошлое; в растворяющем историю безвременье они отыскивают коридоры возможностей, предоставляя миру шанс обнаружить и осознать «настающее настоящее». Кодекс знания включает как необходимое императив неразделяемой цельности (принципы как принципсы) – это плацента, в которую погружен социоген, определяющий начала взаимодействий: культурную стилистику эпохи и ментальность ее обитателей.

Жизнь – последовательность переворотов, деконструкция конструкций – все чаще дает повод усомниться в прогнозируемости истории. Опознать иное, переосмыслить прописи, компетенции, технологии, – значит произвести когнитивную и социальную революцию, совершить переход, шагнув в пульсирующую пустоту. Дорожная карта на кромке атласа Современности – ареал скалярных рисков, чреватых адаптацией или инволюцией, хаотизацией или прорывом. Роковые условия и критические возможности возникают в тот миг, когда Ахиллес и черепаха оказываются в разных мирах.

Продвижение в будущее меняет обстоятельства, проблематику, смысловые координаты футур-истории. Три релевантные теме категории, отражающие, по крайней мере, отчасти ландшафт и лейтмотив происходящего, были в последнее время предметом исследования: «цивилизационный транзит», «деколониальный / эпистемологический поворот» и «постколониальность».

Критическая теория

Постколониальная проблематика опознается сегодня во все более широком круге явлений в региональном и глобальном ракурсах. Колониальность продолжает существовать в не вполне постколониальном мире как феномен и как проблема, однако борьбу за политический и экономический суверенитет замещает практика социокультурной и психологической деколонизации людей и сообществ. Южноафриканский политический активист, антрополог А. Мафиджи в свое время, на волне охвативших Африку преобразований, позитивных и негативных, писал: «Нам нужна не только политическая деколонизация, но еще и ментальная» («...we need decolonization in Africa not only of the body polity but also of the mind») [Mafeje 1995: 20].

Постколониальность – одновременно образ мыслей и способ бытия, а также концептуальная рефлексия этоса деколонизации. Это и состояние после колонизации, и процесс перманентной деколонизации – активные действия в сфере практики, стимулируемые резонирующей и побуждающей к действию идеей эмансипации. Это также междисциплинарное осмысление различных конструктивных и деструктивных аспектов постколониального статуса, его ментальная реституция – критическая мозаичная теория, вписанная в контекст общей деконструкции современной эпистемологической архитектуры.

Действительно, по словам франко-камерунского интеллектуала и философа «новой волны» А. Мбембе, постколониальность, постколониальные исследования, постколониальное состояние – эклектичный комплекс: «...в его основе с одной стороны, лежат идеи антиколониальной и антиимпериалистической борьбы, с другой – традиции западной философии и европейской гуманитарной мысли.

Это фрагментированный, открытый стиль мышления, что является одновременно силой и слабостью» [Mbembe 2008]. В распределении пропорций мода, или, точнее, *Zeitgeist*, играет не последнюю роль, вопрос лишь в том, что предопределяет конъюнктурную установку сознания и само настроение исторической ситуации.

В области же дисциплинированной рефлексии постколониальность – сумма исследовательских и образовательных практик (своего рода их ментальное масштабирование): (а) общее направление мысли, то есть интеллектуальный поиск; (б) критическая концептуалистика – разнообразие аргументированных гипотез и перепрочтений колониальности; (в) зонтичная академическая дисциплина.

Деколониальность – деятельная ипостась постколониальности – проявляется как: (а) социокультурная антитеза широко понимаемой ментальной колониальности с акцентом на критическом мышлении и «освобождении умов» [Viko 2002]; (б) «эпистемологическое неповиновение» европейской сциентистской оптике [Mignolo 2010]; (в) идеологическая доминанта протестных движений и ползучей институализации социальных перемен.

Африканский транзит

Расширяющееся пространство постколониальной рефлексии обозначило, по мнению Э. Саида, «зарождение то тут, то там нового интеллектуального и политического сознания» [Африка... 2020: 27]. Проявилась также многоликость колониальности, включая автоколониальность: узурпацию власти суверенными правителями [Денисова 2015], продолжившими практику присвоения национальных богатств и эксплуатации населения, проводя политику личного обогащения и террора. Реинкарнация исторических антагонистов в постколониальном политическом тексте демонстрирует глубину природы и пестроту оболочек колониальных взаимоотношений. Автоколониальность как перевоплощение, казалось бы, изгнанных из региона внешних субъектов угнетения оказывается еще одним барьером на пути к реальному суверенитету наций.

«Модернизация и стремление к современности – вероятно, наиболее всеобъемлющие и всепроникающие особенности нынешней социальной сцены», – писал Ш. Эйзенштадт в годы интенсивной деколонизации Африки [Eisenstadt 1966: 1], однако путь самоопределения запутан и извилист. В новейшей истории континент и его обитатели совершали и совершают комплексный цивилизационный транзит: (а) переход от традиционного общества к современному социальному строю; (б) освоение результатов континентальной деколонизации и суверенизации; (в) диверсификацию форм соприсутствия в трансграничном сообществе.

Социальный код африканского транзита от традиционного общества к современному (*Le Code Social du Transit Africain / SOCOTRA*) включает несколько поворотных моментов – реперных точек в русле социокультурной трансформации.

Культурный шок. Деграция и распад институтов традиционного общества при взаимодействии со средой и ментальностью Современности.

Трансфер. Полученная при вхождении в городское сообщество травма – уязвленность и хаотизация традиционной ментальности – сопровождается сознательным и бессознательным переносом общинных форматов в новую оболочку в попытке воспроизвести в ней привычные черты и практики, предопределяя тем самым развитие культурного конфликта. Мимикрия неотрейбализма, клановости, вождизма, непотизма под современные институты порождает социальные и политические химеры.

Индивидуация. Развитие городской среды, ее количественный и качественный рост стимулируют становление горожанина-гражданина, его психологическую реабилитацию, укрепление самосознания, преобладание персональной стратегии и личностной эмпатии над племенной солидарностью. В процессе социокультурной трансформации формируется средний класс, развивается политическая инфраструктура. Конкуренция современности с неотрейбализмом распространяется на все уровни организации социума, включая как местное, так и государственное управление.

Момент истины. Во время обострения процесса перехода от гибридных конструкций власти к полноценной национальной государственности происходит закрепление либо обрушение результатов модернизации. Выявляется ее качество, испытывается доминирование современных институтов над имитационными гибридами. При позитивном разрешении кризиса укрепляется национальное сообщество, преодолеваются вождистские, авторитарные, милитаризированные формы власти. Деструкция псевдоморфоз и деконструкция культурных химер устраняет обременение молодой нации «автоколониальностью».

Результативность. Образуется социально-политическая целостность, которая обеспечивает развитие современной инфраструктуры, умножение и расширение цивилизованных связей с окружающим миром, эффективное присутствие национального сообщества в контексте Современности. Одновременно генерируются элементы постиндустриального строя, растет спрос на образовательные, информационные, финансовые, творческие услуги. Устанавливаются контакты с постсовременной средой, опознаются и осваиваются формулы соприсутствия в ней.

Либо же происходит откат – бегство в предшествующее состояние, демодернизация институтов и неоархаизация общества, деградация современной государственности, завершающаяся ее фактическим распадом в той или иной форме «сомализации». Катастрофа может стать образом жизни, а глобальное пространство предоставляет весомые возможности экспорта инструментария дестабилизации (к примеру, террористическую активность, генерацию и управление потоками беженцев, воздействие на морские и континентальные транспортные и нефтегазовые потоки, а также средства глобальной коммуникации и т. п.).

Политический активизм

Постколониальность оказывается влиятельным сюжетом в политическом процессе наших дней, большим вызовом и важным элементом той силы, которая влияет на формулу и результат исторического транзита не только в региональном, но и в глобальном измерении. Хотя представляться, проявляться и реализовываться она может по-разному. Речь все чаще идет не только о существенных переменах в политических и геоэкономических параметрах планетарного ландшафта, но также об изменении его демографической размерности, этнорасового баланса, «расцветивании» культур, ревизии институтов и новом цивилизационном консенсусе.

Социокультурные конструкты постколониальности в сфере практики обретают телесность политизированного активизма¹. Нетерпимость к системам со мно-

¹ Ср.: «Философы лишь различным образом объясняли мир; но дело заключается в том, чтобы изменить его» [Маркс 1955: 4] и «Знание, не ставящее перед собой задачи изменить мир, не является истинным» [Mbembe 2008].

жеством уровней и подвидов дискриминации затрагивает ряд существующих социальных и юридических конвенций, меняет их интерпретации и правоприменение либо прямо отвергает, пытаясь заместить нормами и кодами поведения, производными от убунту и уммы, что, кстати, представляет состояние современной философии практики, особенно этики, проблематичным, а следовательно, ее саму – востребованной областью углубленной рефлексии. Постколониальные мотивы активно соучаствуют и в создании новых публичных инструментов перемен (к примеру, вокизм, новая этика, культура отмены, BLM, Je suis и т. д.) в борьбе за устранение стигматов, рудиментов и призраков расизма, супремасизма, шовинизма, патернализма, инструментального отношения к людям, других форматов прямого и косвенного насилия уничижающих господств и тиранствующих властей.

Версии трактовок «африканства» умножаются, оно толкуется теоретиками и практиками деколониального активизма не только как метафора социокультурных устремлений, приверженности радикальной демократической повестке или психофизических свойств. В интервью журналу «Libération» А. Мбембе, отвечая на вопрос о чернокожем человеке, диверсифицирует расовый интеграл, разбавляя его классовой солидарностью и превращая в актуальный извод «изгоев-пролетариев»: «Это класс, или раса, или определенная группа лиц, вне зависимости от цвета кожи, по отношению к которым прежнее различие между человеческим субъектом и вещью больше не работает. Все гораздо хуже: это люди, которые не нужны, это лишний класс, который ни один господин не желает держать при себе даже в качестве раба. Проблема не в том, что их эксплуатируют: если бы они даже этого захотели, то вряд ли на их труд нашелся бы спрос» [Мбембе 2016].

Прочитанная как умножение радикальной левой идеи, постколониальность фактически интегрирует установки деколониальности [Mignolo 2011] с воззрениями раннего К. Маркса², обнаруживая в итоговой оболочке так и не найденных в недрах современного ему общества «истинных пролетариев», замещенных в революционных сценариях того времени «рабочим классом». А также сопрягается с более поздней ревизией неомарксистами конъюнктурных установок, определявших субъекта перемен (А. Грамши, Франкфуртская школа): тезисами о культурной контрреволюции и революционной роли интеллектуального класса. Помноженными затем на энергетiku конфессиональной нетерпимости вкупе с миллениаристскими либо эсхатологическими мотивами, представляя парадоксальный союз просвещенного интеллектуала-революционера Фанона с облаченной в хиджаб Вандеей.

Но прозреваемая за линией горизонта антропологическая ситуация и ее внутренний конфликт, кажется, еще сложнее³.

² Ср. этот динамизм с Марксовым определением целеполагания истории как перманентного транзита в стремлении избежать опредмечивания (коллапса): «Коммунизм для нас не состояние, которое должно быть установлено, не идеал, с которым должна сообразоваться действительность. Мы называем коммунизмом действительное движение, которое уничтожает теперешнее состояние» [Маркс, Энгельс 1955: 34].

³ Тут в подоплеке есть еще одно, неочевидное, но солидное обстоятельство – не только переживаемый исторический переход («цивилизационный транзит»), но и выход физики на проблему природы сознания как новую для естественно-научного дискурса категорию, к исследованию которой непонятно как приступить, и в то же время оно неизбежно, поскольку во всем спектре интерпретаций квантовых эффектов роль сознания высока. Все это чревато реформа-

«Проект глобального масштаба»

Претензия на будущее зависит от обладания настоящим и достигнутого уровня субъектности. «Темнокожесть» оказывается характеристикой, определяющей новый инициативный класс, знаменуя, в частности, приход поколения влиятельных политиков в крупнейших странах Севера: Барак Обама, Камала Харрис, Никки Хейли, Вивек Рамасвами, Талси Габбард, Риши Сунак, Садик Хан и т. д.

А комплексная идентичность нового номадизма становится вызовом «глубоко статичному пониманию идентичности, [когда] человека определяют через нацию» [Саид 2012: 31]. Тайе Селаси, провозвестница идеи афрополитанизма, так охарактеризовала свою сложную идентичность: «Я не знаю, откуда я! Родилась в Лондоне. Мой отец из Ганы, но живет в Саудовской Аравии. Моя мать – из Нигерии, но живет в Гане. Я же выросла в Бостоне» [Tuakli-Wosornu 2008: 36]. Подобное отсутствие стойкой идентичности, многообразие, связанное с динамичным образом жизни новых кочевников поверх границ и барьеров, дает им определенные преимущества.

Отношения же афрополитов [Mbembe 2017] с исторической родиной отличаются некоторой двусмысленностью, за что они подвергаются критике и вынуждены оправдываться: «Наша обязанность – использовать полученные на Западе знания для того, чтобы помочь Африке справиться с трудностями, поскольку, как гласит пословица, “стыдно не безумцу, а его родственникам, слышащим насмешки”. Нас судят по нашему происхождению. Мы неофициальные послы нашей культуры. И до тех пор, пока не будет достигнут баланс между развитием Африки и Запада, нас будут воспринимать как слабых вне зависимости от вклада в мировой прогресс» [Virtual...].

Амбиция «темнокожих космополитов» – освобождение сознания от оккупации прошлым, моральная рекреация, стремление утвердить в мире вероятностей и возможностей – сумятице происходящих и надвигающихся перемен – собственную стезю и полихромную идентичность. Тут можно вспомнить имеющие непростые обоснования и довольно продолжительную историю размышления о «глобальной Африке», принадлежащие, в частности, перу кенийско-американского политического философа А. Мазруи, сначала в духе афропессимизма [Mazrui 1994], а затем и в более позитивном залоге («от кораблей невольников к космическим кораблям») [Idem 1999].

Дальний же рубеж – слияние с ренессансными токами, выстраивание молекулярных цепочек деколонизированного космополитизма⁴, а в политическом аспек-

цией фундаментально ошибочного представления о мироустройстве, что повлечет культурное потрясение и смену мировидения.

⁴ Ср.: *мультикультурализм*, стимулирующий групповую самостийность как дисперсию этнических и конфессиональных микронаций в национальной (nation-state) среде, который продуцирует потенциально конфликтогенную форму общности, vs *космокультурализм* деколонизированных космополитов, который предполагает право на полифонию индивидуальных позиций и гибкость в сопряжении пересекающихся антропосоциальных цепочек. Преодоление природных ограничений и трансгрессия социального горизонта – ось и вектор эволюционной навигации. Однако экспансия антропологической вселенной подразумевает в качестве естественного предела не количественное расширение, влекущее конкурентное прочтение и исчерпание пространства: приток энергий реализуется в не имеющем внятных пределов индивиду-

те – обретение авторского соучастия в сюжетах цивилизационного транзита. В конечном счете постколониальность, обозреваемая сквозь разноцветную призму глобальной деколонизации, – это фрактальный извод постсовременности. Или, иначе говоря, постсовременность есть универсальная постколониальность (точнее, они когерентны) [Некlessа 2022].

Эволюционная устремленность постколониальности обретает черты «проекта планетарного масштаба» [Мветбе 2008]. Количество – это особого рода качество, декополиты (деколонизированные космополиты), предвещая миллиардный прилив человеческой популяции и заселяя землю в атмосфере нахлынувшей новизны, способны трансформировать радикально и существенно этнические, культурные, конфессиональные профили наций, существенно влияя на содержание постсовременности, ее смыслообразующую субстанцию и координаты мироустройства.

Происходящее сегодня на планете – сполохи выразительных предчувствий, прихожая необжитого здания оригинальной архитектуры. Обитатели прежнего корпуса цивилизации, будучи вовлечены в грандиозный переезд, готовятся либо участвовать во вселенской реновации, либо противостоять ей или же просто адаптироваться. Обращая бывшие обременения в ресурс, «глобальная Африка» – от национальных суверенов до влиятельных представителей афрополитанизма, экономических переселенцев и беженцев (то есть речь идет скорее о «переселении народов», чем об «утечке мозгов»), создает многоликое интернациональное сообщество, которое демонстрирует потенцию «завоевать мир». И, обретая стратегическую субъектность, перехватывает историческую инициативу.

Сбывается предвидение французского демографа и социолога А. Сови, прозорчески написавшего еще в 1952 г. о роли третьего мира, потенции которого он сравнил с силой, отправившей на свалку истории феодально-сословный миропорядок: «Этот “третий мир”, игнорируемый, эксплуатируемый, презираемый подобно третьему сословию, теперь тоже хочет быть чем-то» [Sauvy 1952: 14].

А. Мазруи, обыгрывая изначально принадлежавший Испании, а затем перешедший к Великобритании титул империи, «над которой никогда не заходит солнце» («el imperio en el que nunca se pone el sol»), на исходе XX в. по-своему переписал сюжет, радикально сместив акценты: «Задолго до рабства мы жили в одной огромной деревне, называемой Африка. Затем пришли чужеземцы и увели многих из нас, рассеяв по земным градам и весям. До прихода чужестранцев та деревня была для нас миром, и другого мы не знали. Сейчас же расселились настолько широко, что солнце никогда не заходит над потомками уроженцев Африки. Теперь весь мир – наше жилище, и в самом ближайшем будущем мы собираемся сделать его человечнее» [Mazrui 1986].

Литература

Африка: постколониальный дискурс / отв. ред. Т. М. Гавристова, Н. Е. Хохолькова. М. : Ин-т Африки РАН, 2020.

альном и социальном развитии. Иначе говоря, полнота суверенной идентичности, усложняя архитектуру антропокосма из любой точки, увеличивает его комплексную размерность. Осознание индивидом стратегии личностного роста как персонального интереса – лейтмотив этой эмерджентной партитуры, все усложняющейся в процессе исполнения, следующей за движениями невидимой руки дирижера исторической симфонии.

Беньямин В. О понятии истории // Новое литературное обозрение. 2000. № 46. С. 81–90.

Денисова Т. С. «Волна демократизации» и электоральные процессы в Тропической Африке // Ученые записки Института Африки Российской Академии Наук. 2015. № 1(32). С. 27–37.

Маркс К. Тезисы о Фейербахе / К. Маркс, Ф. Энгельс // Соч.: в 50 т. 2-е изд. Т. 3. М. : Гос. изд-во политической лит-ры, 1955. С. 1–4.

Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология / К. Маркс, Ф. Энгельс // Соч.: в 50 т. 2-е изд. Т. 3. М. : Гос. изд-во полит. лит-ры, 1955. С. 7–544.

Мбембе А. Франции трудно поспеть за меняющимся миром [Электронный ресурс] : *Libération*. 2016. 1 juin. URL: <http://gefter.ru/archive/19621> (дата обращения: 14.02.2024).

Неклесса А. И. Постколониальность как фрактальный извод постсовременности: предмет, методология, прогноз. (К 70-летию статьи Альфреда Сови «Три мира, одна планета».) // Полис. Политические исследования. 2022. № 2. С. 130–144. DOI: 10.17976/jpps/2022.02.10.

Саид Э. Культура и империализм. СПб. : Владимир Даль, 2012.

Biko S. *I Write What I Like*. Chicago : University of Chicago Press, 2002.

Eisenstadt S. *Modernization, Protests and Change*. Englewood Cliffs, NJ : Prentice Hall, 1966.

Mafeje A. “Benign” Recolonization and Malignant Minds in the Service of Imperialism // *CODESRIA Bulletin*. 1995. No. 2. Pp. 17–20.

Mazrui A. *The Africans: A Triple Heritage. A Commentary*. – Program 9: Global Africa [Электронный ресурс] : BBC Television Authority. 1986. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=Nf25hZe1ZhE> (дата обращения: 14.02.2024).

Mazrui A. *Global Africa: from Abolitionists to Reparationists* // *African Studies Review*. 1994. Vol. 37. No. 3. Pp. 1–18. DOI: 10.2307/524900.

Mazrui A. *From Slave Ship to Space Ship: Africa between Marginalization and Globalization* // *African Studies Quarterly*. 1999. Vol. 2. No. 4. Pp. 5–11.

Mbembe A. What is Postcolonial Thinking? An Interview [Электронный ресурс] : *Eurozine*. 2008. January 9. URL: <https://www.eurozine.com/what-is-postcolonial-thinking/> (дата обращения: 14.02.2024).

Mbembe A. *Afropolitanism* // *Cosmopolitanisms* / ed. by B. Robbins. New York, NY : NYU Press, 2017. Pp. 102–107.

Mignolo W. *Desobediencia epistémica. Retórica de la modernidad, logica de la colonialidad y gramática de la descolonialidad*. Buenos Aires : Ediciones del Signo, 2010.

Mignolo W. *The Darker Side of Western Modernity: Global Futures, Decolonial Options*. Durham, NC : Duke University Press, 2011. DOI: 10.1215/9780822394501.

Sauvy A. *Trois mondes, une planete* // *L’observateur politique, économique et littéraire*. 1952. No. 118. 14 août. P. 14.

Tuakli-Wosornu T. Bye-bye, Babar (Or: What is an Afropolitan?) // *The International Review of African American Art*. 2008. Vol. 22. No. 3. Pp. 36–38.

Virtual African Diaspora (VAD). Manifest [Электронный ресурс]. URL: www.virtual-africandiaspora.com (дата обращения: 14.02.2024).